

Анна Евгеньевна Гурова Огненный шторм

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658096
Анна Гурова. Огненный шторм: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70996-0*

Аннотация

Величайший из драконов, получивший имя Пожирателя Мира, уничтожает города Пяти Герцогств. Людям нечего ему противопоставить. И оружие, и магия бессильны. К тому же многие из людей не прочь и сами поживиться на беде близких. Недаром считается, что между человеком и драконом много общего. Но глаза боятся, а руки сражаются. Грегу, его подружке Аличе, алхимику Вальтеру и их друзьям придется вновь отправляться в путь. Зло должно быть уничтожено, даже если сам легендарный Змееборец отчаялся его искоренить...

Содержание

Часть I	4
Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Гурова

Огненный шторм

Часть I

Разведка боем

Пролог

Храм Невидимого, давным-давно.

Человек поднимался на гору по еле заметной тропе, перешагивая с камня на камень. Вокруг шелестела высокая сухая трава, порывами налетал холодный ветер. Серое облако косматым плащом обнимало храм на вершине горы.

Храм казался совсем древним – но не ветхим, а вечным, как эта гора. Кто его построил и зачем? Четыре каменные стены, переходящие в остроконечный белый купол, тонущий в тумане, узкие темные окна-бойницы... Как будто некий великан нахлобучил на вершину горы свой шлем и ушел...

Или не ушел?

Путник представил, как загораются огни в бойницах и Невидимый обращает на него свой взгляд. Мороз прошел по его коже. «Разве не затем ходят в храмы, – напомнил он себе, – чтобы привлечь к своим бедам внимание божества?

Но не этого же!»

В мире множество земель, а в них без счета богов и божков. В каждой деревне, в каждом лесу – святилища местных сил и тайн, от роскошных храмовых комплексов размером с город, принимающих тысячи паломников, до придорожного алтаря, вырезанного из сухого корня и украшенного гирляндой живых цветов. Имена одних богов известны каждому, других никто не знает за деревенскими воротами...

Но того, кому посвящен храм на горе, знают все – и никто ему не поклоняется. У него нет облика, он никогда не отвечает на просьбы.

Сюда приходят, если все прочие боги промолчали, за последней надеждой, а точнее – ни на что уже не надеясь. Единственный в Пяти Герцогствах храм Невидимого. Того, кто сотворил всех прочих богов и весь мир, и оставил его.

Оставил ли?

Страшно звать в темноту. Никогда не знаешь, отзовется или не отзовется. И если отзовется – много ли с того будет радости?

Глубокая узкая арка входа напоминала трещину в скале. Человек остановился и прислушался, положив ладонь на рукоять меча. Арка дышала мертвенным хищным холодом. Все равно что заглянуть в склеп, где завелась нежить...

«Обычный страх, – решил путник, не услышав и не учув никакого движения. – Никакая нежить не осмелится поселиться в храме Невидимого. Она, конечно, мертвая, но не безумная же!»

И он без колебаний вошел под мрачную арку. Густая пыль поглотила эхо его шагов.

Короткий темный коридор закончился шестиугольным сумрачным залом – совершенно пустым. Человек остановился на пороге, оглядываясь. Ничего такого страшного, да и смотреть тут не на что – каменные плиты пола, голые стены. Сквозь одну из бойниц бил тонкий багровый луч заходящего солнца. Медленно оседала поднятая вошедшим пыль. Свод

уже потерялся в темноте. Никаких изображений, никаких надписей, которые подскажут, что делать... Просто глухие серые стены. Чего-то подобного путник и ожидал, но сомнения все равно охватили его душу. Стоило ли идти в такую даль, именно сюда? Будто мало на свете серых стен!

Человек медленно прошел в центр базилики и остановился, раздумывая, в какую сторону обращаться – никакого алтаря тут не было, стены везде одинаковы. Наконец повернулся к угасающему пятну света на глухой стене между двумя бойницами и опустился на колени – не потому, что вознамерился униженно молить Неведомого о милости, а потому что собирался говорить долго, да и ноги устали... Быстро темнело, стены из серых становились черными, превращаясь в бездонные провалы. Путнику снова стало не по себе. Он мало чего боялся, но это святилище внушало страх, причем самого неприятного свойства – страх беспомощности. Хотелось прижаться спиной к стене и выхватить меч, а лучше – как можно скорее убраться отсюда...

Если выпустят...

Конечно, никуда он не ушел, но меч все-таки достал и положил рядом с собой. Само прикосновение к оружию успокаивало, внушало уверенность и заодно напоминало, зачем он здесь.

Когда алый луч заката превратился в огненную нить и темнота поглотила ее, а заодно и весь храм, человек заговорил:

– Отец богов! Если думаешь, что я из тех, кто желает видеть невидимое, так ничего подобного! В святилищах любят разводить таинственность вокруг сокровенных знаний, но я тут не за этим – меня от книг всю жизнь мутило, и как мир устроен, мне тоже неинтересно. Кто ты и что – это уж твое дело. Даже если пожелаешь явиться – все равно тут слишком темно. Мне всего-то нужен ответ на вопрос. Говорят, ты никогда не отзываешься, но я прошу... Нет, я требую. Мне кажется, я требую по праву, – добавил он, криво усмехнувшись. – Впрочем, не мне судить. Я уже судил когда-то, и ничего хорошего из этого не вышло. Давай я расскажу, а ты рассуди сам...

Темнота не ответила. Голос тонул в ней, как в черной трясине. Говорившему вдруг показалось, что он задыхается. Он замолчал и вытер пот, почему-то выступивший на лбу. Не обидел ли он верховное божество своими речами? Он редко бывал в храмах и ритуалов не знал – просто сказал, что думал... А вокруг творилось что-то нехорошее. Вроде ничего особенного, но мир тут то ли менялся, то ли попросту был другим... Казалось – обернись, и нет двери за спиной, нет свода над головой; вот исчезли каменные плиты под ногами, и даже сухого зимнего воздуха не осталось. Храм Невидимого – только место вне времени и пространства, в вечной пустоте среди звезд. Как найти выход там, где нет дверей?!

«Вот почему Невидимый не отвечает на просьбы, – промелькнула трусливая мысль, – просто некому рассказать об этом!»

– Мороки! – сердито оборвал себя человек, стискивая рукоять меча, чтобы прекратить мерзкую дрожь в пальцах. – Сгинь, наваждение!

В голову лезло жуткое видение: с каждым вздохом он погружается в темноту, как в топь... Бежать, прочь отсюда, пока не поздно!

«Некуда мне бежать, – напомнил он себе, стиснув зубы. – В топь так в топь – до самого дна!»

Человек снял с плеча сумку и нашарил в ней кремень, огниво и маленький светильник с фитилем, заправленный «драконовой кровью» – горючим маслом. Светильник он прихватил на всякий случай – их зажигали во всех храмах Пяти Герцогств. Почему бы не возжечь его и во славу Невидимого? Пусть и у него будет свой огонек!

– Так-то лучше, – довольно произнес он, когда крошечный огонек заплясал на конце фитиля. – Я тебя вряд ли увижу, но вдруг ты захочешь посмотреть на меня?

Огонек вспыхнул и забился, озарив руки и лицо человека, согнувшегося в пятне света посреди непроглядной темноты. Нестарое, испещренное росчерками шрамов, с загадочным узором в виде точек и спиралей. На правой стороне лица летящий дракон крепко держал в лапе язык пламени. В глубине глаз, как темный ил на дне, копилась давняя горечь и бесконечная усталость.

– Помнится, мы на Фалангине так делали, – тихо произнес человек. – Когда выходили на ночной лов. Отец велел мне зажигать огонек на лодке, чтобы рыбакам видеть друг друга и не путать сети. Вода черная, небо черное – словно плывешь среди звезд. А с огоньком не потеряешься!

Огонек каплей света пульсировал на кончике фитиля, тихо потрескивая. Человек сел на пол, подогнув под себя ногу, и заговорил снова. Свет и звук собственного голоса успокаивали его, видение черной топи отступало. Но никуда не исчезало. Мир тут был слишком зыбким. . .

– С чего бы начать? Молиться я никогда не умел. Богов я, признаться, никогда не почитал, да и за что бы? В жизни я видел, да и делал, много разного – и хорошего, и худого. Потом потерял способность различать добро и зло, правду и неправду. Скажешь, вот тут бы и попросить богов указать мне правый путь – но откуда бы им его знать? Они и сами блуждают в темноте! И где они были, когда Змей Бездны превратил мой дом в горку шлака?!

Голос его прозвучал резко и громко, разбудив эхо где-то под куполом. Человек поднял взгляд вверх, словно пытаясь рассмотреть свод. Тьма больше не беспокоила его – перед глазами вставали картины, которые были даже слишком яркими. . .

– Я родился на Фалангине – помнишь, было такое островное герцогство? Ну а теперь там просто черный камень. Целый остров из пористой остывшей лавы и радужного драконьего стекла. Очень красиво там стало, когда море омыло скалы от пепла, и ветер разогнал дым. Я прекрасно помню – смотрел с моря. Из всех жителей Фалангина уцелели только несколько рыбаков, которые уходили на ночной лов и отплыли достаточно далеко, чтобы не попасть под удар стихии. Мы вернулись через два дня, когда прекратилась буря и перестал падать пепел. . .

Конечно, это сделали драконы. Они обожали подземный огонь. Всегда так бывало – где вулкан, там они. Мы видели их, парящих на красных крыльях над тем, что было нашим домом. Они слетались со всех сторон света, их становилось все больше. . . «Они заплатят», – заявил я тогда. Рыбаки посмотрели на меня, как на дурачка. «Драконов умеют убивать драконьеры, – сказал мне отец, – а не деревенские мальчишки вроде тебя. Радуйся, что выжил, и думай, как жить дальше». Но я даже и слушать его не стал. Я уже принял решение. Тот, кто это сотворил с Фалангином, кто погубил мою семью, должен был умереть.

Огонек задрожал, отвечая на невидимое прикосновение сквозняка, и человек прикрыл его ладонью.

– Я много странствовал, – продолжал он, рассеянно глядя на стеклянный бок светильника. – Добывал кусок хлеба, воевал. . . Хотел научиться убивать драконов, а научился великолепно убивать людей. Потом обнаружил, что среди них водятся твари похуже драконов – истинные порождения Змея Бездны, способные превратить в черный пепел не только тело, но и душу. Я начал сражаться и с ними тоже. Со всеми порождениями зла – где бы их ни находил. . .

Человек опустил голову, сгорбился, тяжело вздохнул. Пошевелил пальцами, словно ему стало тяжело держать руку, оберегая пламя.

– Эх, как я был доволен собой, каким светочем справедливости себе казался! Карал направо и налево, не зная сомнений. Попутно убивал всех драконов, каких мог найти, – бедолаги, как мне теперь перед ними стыдно! Уверенно судил других, считая себя мерой всех вещей. Осуждал на смерть, не сомневаясь в своей правоте. А людское восхищение – всегда хватает тех, кто будет восхищаться сильным! – доказывало мне, что я на правильном

пути. Если же отдельные голоса выбивались из восторженного хора, я не обращал на них внимания. Я был ослеплен собственным сиянием и не замечал на нем пятен...

Он снова вздохнул и задумался.

– Когда это прекратилось? Тогда, когда я понял, что не только драконы, но и люди меня боятся? Когда мне начали угождать, чтобы отвести мой гнев? Когда я обнаружил, что окружен льстецами и лжецами, и, что самое худшее, не могу отличить лгунов от тех, кто меня действительно любит... Или когда понял, что мне, в общем-то, уже все равно – лишь бы повиновались?

Я осознал, что никакого особого права у меня нет и не было, и я не могу судить не то что других, но даже себя. Ведь чтобы судить, надо понимать, с кем имеешь дело. Но я больше ничего о себе не знал. Кто я, что делаю, зачем живу? Я совсем потерялся!

«Наверно, это называется мудростью?» – сказала тогда моя невеста.

«Лучше бы я умер прежде, чем ее обрел!» – ответил я.

Но поскольку я не умер, надо было что-то делать дальше. Я набрался храбрости честно взглянуть на себя и ужаснулся. Потом я хотел умереть, осознав, как много сотворил зла, сражаясь за то, что казалось мне добром и правдой... Поистине, великим благом для мира было бы избавить его от такой мерзости, как я!

«Ну так избавься, – сказала моя невеста. – Откажись от себя, и пусть мерзость сгинет!»

Я честно попытался пойти по пути самоотвержения, чтобы в нем обрести себе оправдание. Но далеко не ушел. Что толку в самоотвержении, если вокруг темнота, а ты стоишь с копилкой в руке и не знаешь, куда идти? Я готов жертвовать собой – но кому и зачем?

Я задавал миру много вопросов, я даже спрашивал богов, пока не осознал, что никто ничего не знает. Тогда я сдался. Решил все бросить и жить, никому не мешая, тихой, уединенной жизнью...

Человек на миг сбился – его передернуло.

– Это было недолго, но куда хуже смерти! Все пути вели во тьму! Вот тогда я и понял, что выхода у меня не осталось...

Он пристально поглядел на огонек.

– Я вернулся на мой родной остров. Стоял на лавовой горе, такой грандиозной и красивой в лучах заката, под которой было похоронено целое герцогство, и думал.

Я уже знал, что не драконы это сделали. Я давно перестал считать всех без разбора драконов чудовищами. Зло есть и среди людей, и среди драконов. И в тебе, Невидимый. Ведь Змей Бездны, который вышел из огненного сердца земли и пожрал Фалангин, – тоже твоих рук дело!

Кошунственная фраза прозвенела в тишине, и тьма поглотила ее, так же, как все остальные. Человек подождал, затаив дыхание, но ничего не произошло, и он продолжал:

– И я понял, что ничего не изменилось. Как было и тогда, мальчишкой, я стоял и смотрел на пепелище – и знал, что тот, кто делает подобное, должен быть уничтожен. Да, все пути ведут во тьму – к тому, кто ее создал. К тебе, отец богов!

Человек обнажил меч и встал на колено.

– Невидимый, создатель мира, кто все знает, но не дает ответов! – громко заговорил он. – Вот, я тут, в твоём земном доме. Я пришел бросить вызов источнику зла. Можно потратить сотни жизней, сражаясь с порождениями Змея, а можно бить в корень. Ты создал Змея Бездны. Но ты создал и меня! Смертного, который поклялся, что уничтожит того, кто погубил Фалангин! Раз ты создал меня таким – значит, ты этого и хотел. Ты ведь ничего не делаешь просто так, без цели. Ты создал нас обоих. Так дай нам встретиться!

Человек умолк. Дыхание у него перехватило, в ушах так громко стучала кровь, что он боялся не услышать ответ – буде такой случится.

Но текли мгновения, а тишина вокруг была все такой же мертвой, как в предыдущие дни, годы, а может, и столетия...

– Заметь, Невидимый, – добавил человек поспешно, – я не спрашиваю, зачем ты все это устроил. Я спрашиваю – как? Как мне его победить? Знаешь, моя невеста умеет сочинять гимны. Их почему-то приписывают мне, но на самом деле это все она. «Если твой дом горит, неужели ты будешь выяснять, кто и зачем его поджег?» Она была права, моя невеста, она знала больше, чем я...

Лицо человека исказилось, словно от боли.

– А я вынудил ее разделить мою судьбу! Пусть она согласна, пусть сама на это пошла, но я себе этого не прощу. Пусть я буду проклят, но решение мое не изменится. Я ведь и от нее отсекся, и она это приняла безропотно. Ты слышал, Невидимый? Знаешь, чего мне стоила эта последняя жертва?!

Гнев и отчаяние, что прорвались в его голосе, получили ровно такой же отклик, как вся предыдущая исповедь. То есть – никакой.

– Ты меня слышишь? Я отрекаюсь от своего имени и рода, отрекаюсь от любимой, от себя самого! Больше не имеет значения, жив я или мертв. Считай, с этого мгновения меня больше нет – я воплощенное желание встретиться со Змеем Бездны и уничтожить его. И пусть моим единственным именем отныне будет – Змееборец!

Человек достал меч из ножен и положил его перед собой на пыльный гранит.

– Прими его и меня – как свой меч в этом мире!

Темнота не ответила даже эхом.

– Не молчи! Ты не имеешь права на молчание!

Однако у Невидимого явно было свое мнение на этот счет. Тянулись мгновения, но ни слова, ни знака не последовало. Хоть бы ветерок пролетел.

Человек стиснул зубы, подавляя желание грязно выругаться.

Ему представилось, как глупо он выглядит. Невидимый не отвечал еще ни единому человеку от сотворения мира – почему он должен ответить именно ему? Он – всего лишь ничтожный смертный, который стоит перед лицом вечности, в заброшенной базилике, держа в руке грошовой светильник. Даже если Невидимый пожелает явиться ему, он его попросту не увидит, потому что крошечный язычок пламени освещает только его собственную руку...

«Слишком мало огня, слишком темно! Но тут нечему гореть! Тут только камень!»

И сталь клинка. И светильник в руке.

В перчатке...

Человек ухмыльнулся и с размаху кинул светильник себе под ноги.

Стекло расколосось, «драконова кровь» брызнула на одежду. Штаны и плащ мгновенно вспыхнули.

– Да, да! Больше света, – воскликнул он. – Больше огня!

Проклятая тишина исчезла – теперь он слышал пение, достойное Небесного Сада. Ведь это был голос его невесты. Да, она сочиняла чудесные гимны. Особенно тот – «Литания огня», который начинался словами: «Куда бежать, когда сгорает мир?» Если понимать этот гимн буквально, он звучал жутковато, но они оба знали, что речь там идет о пламени любви.

– *Ибо нет иного спасения от пламени, как стать этим пламенем самому!*

В зале стало светлее, по стенам побежали тени. Человек не видел их. Он даже не понимал, чувствует ли боль. Он был готов умереть и относился к этому спокойно, даже радостно. Но тут происходило нечто другое. Что-то совсем непонятное. Мир расплывался и менялся вокруг в пляске теней, и точно так же менялся он сам.

Наконец Змеборец понял, *что* меняется – не мир, а его собственное тело! Он увидел, как лопаются перчатки, как падает на стены тень огромных крыльев... И тогда он торжествующе рассмеялся.

Его дерзкая молитва услышана, требование к Невидимому выполнено.

Глава 1

Защитник людей

«О! Еще один вариант жертвенника!» – подумал Грег, глядя на герб герцогства Молино.

Прежний городской герб – водяную мельницу, с которой, по преданию, и начал свою историю этот крупный и богатый город Пяти Герцогств, – в последние годы фактически заменил личный герб герцога Амедео. Над верхней городской стеной, где стоял сам герцог, а рядом с ним Вальтер и Грег, нависала главная башня огромной темно-бурой, словно обугленной, цитадели, увенчанная кроваво-красным щитом. На щите извивался такой же бронзово-бурый дракон. Из пасти дракона по пояс торчала белокурая дева с распущенными волосами. Выражение паники на лице было передано с большим знанием дела.

– Какой мрачный герб, – вполголоса заметил Грег.

– Зато символично. Дракон подавился прекрасной девой, – откликнулся Вальтер. – И так будет с каждым, кто покусится...

– Что, гербом нашим заинтересовались? – весело спросил герцог. – Древняя легенда гласит, что мой далекий предок Энцо До Свидания, – надо думать, какой-то наемник, – решил где-то здесь освежиться в ручье и увидел дракона, пожирающего деву. Полагают, это была дочь того самого мельника, чья мельница изображена на старом городском гербе. Освобожденная дева оказалась не слишком сильно пожевана драконом, так что Энцо, прикончив гада, взял ее в жены, да и поселился тут. А поскольку умел он только воевать и грабить, то вскоре занялся привычным делом... Так и возникло герцогство Молино.

Вальтер скептически поднял бровь.

– Обычный наемник убил дракона?

– Убил и освеживал, – отозвался герцог. – А возможно, даже съел, с него стало бы. Шкура этого дракона и поныне висит у меня в кабинете. Собираюсь перевесить ее в тренировочный зал драконьеров – пусть воодушевляет их. Если Энцо смог, то чем они хуже? Можете пойти и посмотреть.

Вальтер кивнул.

– Весьма любопытно, непременно схожу... Не потому, что я сомневаюсь в ваших словах, а потому, что никогда не видал шкуру дракона отдельно от самого дракона...

– Увидите, – посмеиваясь, пообещал герцог Амедео. – Если повезет, то и не только эту. Думаю, выпускным заданием в моей школе драконьеров будет именно добыча еще одной шкуры, поновее...

Длинные багровые флаги с тем же бурым драконом лениво раскачивались под ветром, налетающим с просторов равнины. С высоких стен цитадели открывался вид на весь город, его предместья и пригороды, окрестные фермы и деревни, мельницы и базилики, поля и луга – до самого горизонта. Внизу пестрели черепичные крыши посада; потом еще стена, пониже – городская. На стене орудия, и все смотрят в небо. И редкая штука в других городах – баллисты. Много баллист.

Пока Вальтер вел беседу с герцогом, Грег с восхищением смотрел по сторонам. Размах, с которым был построен и укреплен Молино, его поражал. В жизни он не видал такой могучей крепости.

Молино был вторым по величине и богатству городом Пяти Герцогств после Сантории, и при этом – самым близким к огненной границе, как теперь называли на равнине владения драконов. Он с блеском отбил несколько нападений красных драконов. Всегда прославленный как столица ремесел, в последние годы он стал и главным центром воинского искусства, где возникла единственная в своем роде школа драконьеров. А устроил это все человек, стоящий рядом с ним на стене. Ну, если и не все, то почти все...

Грег смотрел на герцога, беседующего с Вальтером, и думал о том, что впервые встретил кого-то, кто был достоин встать рядом с его братом. Оба властителя – уже не первой молодости, но без малейших признаков слабости; оба воины, хотя коренастому, отяжелевшему с годами герцогу растряссти брюхо явно не помешало бы. И пускай герцог Амедео с ног до головы в золоте и бархате, а Вальтер – в потрепанной кожаной куртке и шерстяных бриджах, но манера вести себя одинаковая: привычка к власти в каждом слове, приветливые речи и настороженно следящие за собеседником глаза. Когда герцог улыбался, его приятное округлое лицо приобретало прямо-таки по-детски простодушное выражение. Глядя на это доброе лицо с ясными глазами, на чело, обрамленное седоватыми кудряшками, Грег всякий раз вспоминал наставления брата и становился особенно внимательным.

Одного только Грег не понимал – с какой радости герцог Амедео тратит на них время? Неужели ему нечем заняться, кроме как целое утро прогуливаться по городской стене с обнищавшими аристократами из варварской Винделики?

Но Вальтер держался совершенно уверенно. Тут он был совсем не таким, как в Каррене – пожалуй, коллеги-алхимики и не узнали бы его. Герцог Амедео величал его «графом Веттерштайна» и общался с ним, как с почти равным по статусу. Что ему Вальтер такого наплел?

Грег прислушался к разговору. Вальтер как раз сетовал, что не привел с собой никакого войска.

– Какой из меня теперь граф! Без земли, без людей... – сокрушался он. – Их и так-то было немного – все бежали на север, за горы. Оставайтесь, говорил я, – буду защищать вас! В стенах моего замка вы окажетесь в полной безопасности...

– Полной безопасности сейчас не существует нигде, – заметил герцог.

– У меня есть свои способы... Семейные... Но увы! Люди боятся того, что не понимают. А драконов они боятся еще сильнее. По правде сказать, зеленые драконы словно поставили себе целью извести человеческий род, по крайней мере в Винделике...

– Понимаю, – хмурясь, ответил герцог Амедео. – Как это знакомо! У вас зеленые, а у нас красные. Какая муха укусила это племя, что им понадобилось в землях людей? И здесь слабые духом тоже бегут на север – видимо, как раз к вам... А с левого берега Альмы, между тем, пришло столько беженцев из Сантории, что я уже задумываюсь, сумею ли прокормить всех. С одной стороны, новые рабочие руки, с другой – лишние рты...

– Насколько я могу судить, вы успешно решаете эти вопросы. Мы с братом ехали через ваши земли и любовались. Воистину богатый, процветающий край! – Вальтер подпустил в речь нотку зависти. – Как будто и нет за рекой никаких драконов.

– Мы сражаемся, – развел руками герцог. – Защищаем свое, как можем!

– Все Пять Герцогств гадают, как вам это удастся.

– Прямо скажу – с трудом...

– До меня доходили слухи о магии...

Грег удивленно посмотрел на брата.

– Вот как раз этого – ни в малейшей степени!

Герцог повернулся к Вальтеру боком, опершись руками о каменный парапет, и поднял взгляд на цитадель. Ветер шевелил его кудрявые волосы, превращая их в подобие нимба.

– Взгляните на городские стены. Они гораздо толще обычных. Под ними – подземные убежища, склады и прочее. Чтобы защититься от атаки с воздуха, приходится зарываться в землю. Далее – посмотрите на башни, на крыши. На них невозможно приземлиться, там не за что зацепиться. Любая бойница встретит выстрелом из баллисты, а то и кое-чем похуже...

– Дракон не станет садиться на крышу, – возразил Грег. – Зачем? Что ему мешает спалить город с воздуха?

– Что помешает? Алхимия! Этот неприятный цвет стен и крыш – пропитка, защищающая от огня. Дракониный выдох она вряд ли выдержит, но предотвратит дальнейшее распространение пожара. Цитадель практически неприступна извне.

– А посад? – спросил Грег, глядя на скопище крыш. – Кажется, я вижу ловчие сети...

– Да, они сейчас свернуты, но будут натянуты в любой момент.

– Они не удержат дракона.

– Понятно, что дракон разорвет их, но они задержат его на время выстрела или подхода группы драконьеров.

– Но как же обитатели посада?

Герцог Амедео вздохнул:

– Меня самого это гнетет. Конечно, убежища предусмотрены. У жителей будет шанс выжить – если быстро побегут. Но если дракон выберет своей целью нижний город, то многие погибнут. Увы, без этого риска не обойтись. Весь посад – одна большая ловушка. Ловить и убивать драконов – в случае налета – мы будем именно здесь.

– Ловить и даже убивать? – скептически повторил Вальтер. – Без магии? Какими же средствами?

– Ну, к примеру, посмотрите на ту небольшую площадь. Да, вон ту, где клумба... Это замаскированная шахта. Если дракон приземлится на эту площадь, он провалится в каменный колодец. Крылья ему там не распахнуть, а тут и каменной плитой по голове врежут – и все, попался!

– Восхитительно! Но как его убить? Ведь дракон не просто зверь, он – существо стихийное и магическое. Много ли драконов вы убили до сих пор?

– Ни одного, – признался герцог Амедео. – Отгоняем вполне успешно, но врать не буду – никого даже не ранили. Средств для убийства драконов у нас сейчас нет... Но все впереди! А насчет ловушки – подумайте, друг мой, вот над чем. Дракон полетел жечь город и не вернулся. Дракон, сгинувший бесследно, – разве это не повод призадуматься для его сородичей?

Вальтер ухмыльнулся.

– Неплохо придумано.

– Кстати, не ваши ли кондотьеры организовали оборону в Фиоре? – спросил Грег, разглядывая сети. – Я там видал нечто подобное.

– Они самые. Но там у них завелся этот... Лука, – скорчив гримасу, сказал Молино. – И они все забросили. И совершенно зря! Жители Фиоре живут на пороховой бочке. Вот случится завтра что-то с их кузнецом, и что дальше? Да и сам он... – герцог сердито фыркнул, видно, вспомнив что-то неприятное. – Лука и сам не знает, какими силами одержим и что выкинет в следующий миг. Сегодня защищает город, а завтра может и передумать.

– Это правда, – подтвердил Вальтер с ухмылкой. – Вижу, вы с ним уже имели дело?

– Попытались, – хмуро подтвердил герцог. – Мне хватило. Капризный, полоумный колдун, который называет себя «алхимиком милостью Змееборца», сам же никакой не алхимик, и Змееборец не имеет к его фокусам, да и к любой магии, никакого отношения. Но кое-какие выводы я сделал. Главный – если уж иметь дело с чародеями, так только с вменяемыми!

Вальтер и Амедео рассмеялись – как показалось Грегу, над чем-то известным только им.

– А второй вывод, – продолжил герцог, – чародей не должен лезть в оборону города, а заниматься лишь тем, что относится к магии. Пусть военные делают свое дело, а маги – свое! Вместе у них будет шанс выстроить что-то путное.

– Главное – провести границу, где кончается магия и начинается немагия, – уточнил Вальтер. – В целом же вы снова абсолютно правы.

– Отрадно слышать. Эх, для такого чародея мы не пожалели бы ничего...

Налетел ветер, захлопали флаги. Герцог поежился и запахнул плащ. Свита и личная охрана почтительно мерзла в отдалении.

– А что касается разграничения обязанностей – нет ничего проще, – продолжал герцог. – Ровно посередине между магией и немагией находился алхимия. Пойдемте вниз, господа. Покажу вам лаборатории и мастерские.

– Как вы защищаете деревни? – спросил Грег, окидывая напоследок взглядом великолепную панораму южной Пиануры.

– Противодраконьи щели, схроны для продовольствия, замаскированные загоны для скота... Подорвать человеческую пищевую базу у драконов не получится. Впрочем, это не их методы, хотя я бы действовал именно так. Деревни они пока не трогали. Нападали только на крупные города. Такое ощущение, что их цель – убить как можно больше людей за раз... Но подстраховаться не помешает. Драконы тоже учатся, так же как и люди... Хоть и медленнее.

– То есть в среднем драконы тупее людей? – с любопытством спросил Вальтер, бросив многозначительный взгляд на Грега.

– Если нечего бояться, так зачем развивать интеллект? – ответил герцог. – Как говорится, сила есть – ума не надо.

– Вот именно это я и утверждал! – воскликнул Вальтер. – Слово в слово!

Спустившись со стены, узкими темными переходами они пошли дальше, направляясь в сторону посада. Стена в нижней части напоминала каменный муравейник, пронизанный ходами и облепленный пристройками. За каждым углом топали, лязгали железом, слышались грубые голоса... Вальтер, который сперва поглядывал по сторонам, пытаясь понять принцип этого лабиринта, вскоре вернулся к беседе:

– По пути сюда мы встречали людей с левого берега Альмы, – произнес он. – Судя по их бессвязным рассказам, в Сантории стряслось нечто очень скверное...

– Скверное? Это слабо сказано. Ее больше нет.

– Как так – «нет»?

Вальтер даже замедлил шаг.

– Красные драконы полностью выжгли ее, как до этого Мондрагону. Даже не могу сказать, что там. Если бы это было просто пепелище! Но прошло уже несколько месяцев, а оно все тлеет – в ясные ночи со стены видно зарево. Обычно же небо на той стороне Альмы постоянно затянуто черными тучами... В этом есть нечто противоестественное. Да сопровождает Змееборец в Вечный Сад души несчастных жителей Сантории! – благочестиво добавил герцог.

– Что ему еще остается, если он их не уберет, – ворчливо заметил Вальтер.

– Некоторым – обожженным, полубезумным – удалось спастись, и они рассказывают невероятные, устрашающие вещи... Настолько невероятные, что кажутся выдумками. Например, о том, что там живет целая стая драконов, на месте главного храма поднимается огнедышащая гора, по улицам текут кровавые реки, а уцелевших жителей приносят в жертву Змею Бездны, швыряя их в гигантский огненный водоворот...

При слове «водоворот» Грег встрепенулся и бросил взгляд на Вальтера.

– Вы не посылали туда разведчиков?

– Посылал. Ни один не вернулся.

– Тогда это не более чем слухи либо бредовые видения, – сухо ответил Вальтер. – Огненный водоворот, кровавые реки... Стая драконов, это же надо такое придумать! Во-первых, драконы стаями не летают, а во вторых – будь их стая, от Молино давно уже осталось бы такое же пепелище...

– Я все это понимаю, – кивнул Амедео. – Очень бы хотелось выяснить, что там творится на самом деле! Но боюсь, обычным смертным это не по силам...

– Вы уверены, что драконы до сих пор там? – спросил Грег.

– В этом – да. Дракон – или драконы. Его, или их, изредка видят за рекой. Кажется, они окопались в Сантории надолго. И понемногу разоряют левобережье. Что вы сказали, граф Ульрих?

– Это тоже очень странно, – откликнулся Вальтер. – Дракон не может долго существовать вдали от своего гнезда. Гнездо всегда связано с источником его силы. А в Сантории нет подобных источников для огненных драконов.

– Это уж точно. Это речная равнина... Самое высокое место – Гора Превращения, которая, точнее, просто холм... Не говоря уж о том, что Сантория, как центр культа Змееборца, должна быть враждебна драконам по своей сути...

– И тем не менее вы говорите, что красные драконы там живут... – протянул Вальтер. – Скажите, ваши люди не замечали, что один из этих драконов необычно велик?

Амедео прищурился.

– То гигантское чудовище, которое в базиликах зовут Пожирателем Мира? Нет, его в Сантории не видели. Его гнездо в Мондрагоне, на горе Монт Эгад.

– Но откуда вы зна...

– И я не уверен, что он вообще когда-либо улетал оттуда, – герцог подумал и добавил, окончательно сразив собеседников: – Думаю, он вообще неспособен летать.

– Почему вы так полагаете? – вкрадчиво поинтересовался Вальтер, взглядом приказав Грегу помалкивать.

– Тому, кто пожирает своих детей, один путь – к Змею, – сурово произнес герцог. – В Бездне крылья не нужны, летать там негде.

Вальтер и Грег уставились на герцога с одинаковым изумлением.

– Детей? Что вы имеете в виду? Разве у драконов есть дети?

– Все мы – дети Невидимого, – ушел от ответа герцог.

И погрузился в мрачные раздумья, оставив свою загадочную фразу висеть в воздухе.

А потом им в глаза ударил дневной свет. Ход под стеной закончился.

Глава 2

Присяга чародея

Через квартал оружейников они прошли быстро, нигде надолго не останавливаясь, но и того, что увидели, Грегу хватило, чтобы прийти в полный восторг. Кузни были просторны, как соборы, там работали одновременно десятки, если не сотни, людей, слаженно создавая из металла и огня огромные сложные орудия, какие Грег прежде не встречал.

– Тут литейный цех, – показывал герцог. – А тут работают инженеры. Там – оружейные мастерские... Почему баллисты? Против драконов пушки показали свою неэффективность...

– А в Фиоре? – спросил Грег.

– В сочетании с магией – сколько угодно! Будь у нас свой Лука...

– И тем не менее я вижу, вы ими занимаетесь, – Вальтер кивнул в сторону литейного цеха.

– С расчетом на будущее... И не возражайте, я уже устал от споров на эту тему! Ах, как мне не хватает времени, чтобы сделать пушки мощными и скорострельными, чтобы выстрел был сопоставим с огненным выдохом дракона! Вот о чем я мечтаю! А пока мы вынуждены стремиться хотя бы к тому, чтобы стволы не разрывало при выстреле... Мои оружейники и металлурги работают день и ночь, но перед ними еще такой долгий путь!

Вальтер задумался.

– То же самое говорили алхимики, – сказал он. – Только дайте нам время, говорили они, и мы выведем вам дракона. Им дали пятнадцать с лишним лет – и где результат?

– Мои алхимики дракона не вывели, но кое-чего добились...

Улочка, куда они свернули потом, была пропитана целым букетом неприятных едких запахов, которые Вальтер сразу же узнал.

– Вот и квартал алхимиков, – сказал герцог, вынимая платок и прижимая его к носу. – Тут мы, пожалуй, тоже не будем задерживаться... Захотите взглянуть на их работу – потом, без меня...

– Вы не боитесь выдавать секреты чужакам? – серьезно спросил Грег, помнивший, как тряслись над своими тайнами алхимики Каррены.

– Сейчас не время разводить таинственность, – ответил герцог. – Люди должны объединиться в борьбе с драконами. А мои алхимики достигли замечательных результатов. Помните хоть состав, которым пропитаны все крыши в городе. Он уже пару раз спасал нас от пожаров... И сколько еще замечательных веществ изобретено на военные нужды! Например, мне в ближайшее время обещан замораживающий снаряд... Или, скажем, вон видите ту лабораторию, с распахнутыми дверями, откуда валит зеленый пар?

– Вижу и обоняю... – даже Вальтер изменился в лице. – Змеиное молоко! Какая вонь!

– Это варят замечательное, уже опробованное липучее зелье. Прилипает к драконьей чешуе насмерть, оторвать невозможно! Ради опытов я не пожалел куска шкуры из кабинета. А теперь представьте, что снаряд, начиненный таким зельем, угодил в морду дракона...

– Склеит веки, свяжет челюсти, – пробормотал Грег, проводя рукой по лицу. – М-да, неприятная штука...

– А если это зелье будет еще и горючим! Алхимики сейчас работают над его самовозгоранием при ударе...

В этот момент, словно подтверждая слова герцога, внутри что-то пыхнуло, хлопнуло, с треском и звоном вылетели свинцовые оконные рамы, и на улицу вырвалось облако зеленого дыма. Улочка тут же погрузилась в клубящийся едкий туман, полный кашля, проклятий и